

ФЕДОР АБРАМОВ
ИЗ РАССКАЗОВ ОЛЕНА ДАНИЛОВНЫ
(фрагмент)

...

Как Олена Даниловна в няньках жила и попа учила

— Я рано в работу пошла. У отца нас шестеро было, а землицы одна душа — как тут жить? И вот не знаю, было мне шесть-то полных, когда меня в няньки отдали. Сперва в родную деревню — ничего, а через год и на чужбину, за четыре деревни от своей. Вот тут я взвыла. Всю дорогу плачу, угорела от слез да рёву, и в каждом ручье тоску с меня смывали. Вода холодная, весной дело было. А все равно не смыли. Я попервости как елушечка в сырую погоду — сижу у окошка вся в слезах. Сижу да поджидаю: скоро ли карюха Егорушкина покажется.

А карюха — соседская кобыла, уголь барину каждый день возила. Старая, костлявая, страшная, с бельмом на глазу, а Егорушка — тоже не заглядишься — с головы до пят черный да грязный. А мне они всех дороже да всех милее. И долго так сижу да провожаю их глазами. До тех пор провожаю, покамест в полях оба не растают...

Ну, хозяйева попались мне нехудые. Оба еще молодые — и сам и сама. А уж работающие-то! А на мне двое: зыбочный ребеночек да Федя, трех лет мальчик. Меня няней называет, а няня такая, что не сразу и поймешь, кто кого нянчит. После до чего дело дошло — ой! Это-то самый Федя да пришел меня сватать.

— Да ну?

— Вот те и ну! Крест святой. Рослой, красивой парень вырос. Ну пришел: «Отдайте за меня няню».

— Так и сказал?

— Вот то-то и оно, что так. Может, скажи он как по-другому: отдайте Лену или Олену Даниловну — я бы еще подумала. На три-четыре года старше — ничего. Бывает и больше — живут. И дом хороший, родители хорошие. А уж он-то сам золото. С рюмкой на голове пройдет — вина не расплещет. Вот какой был Федя! Ну, а как сказал он «няня»-то — ой! Как же, думаю, я за воспитанника-то своего пойду? Нет, ни за что! Заплакала, упросила маму. А Феденька, бедный, так у меня и не женился. Может, двадцать лет холостяком жил. А потом на войну взяли, и не вернулся. Вот ведь как бывает...

— А как же вы, Олена Даниловна, в шесть-то лет с двумя ребенками управлялись?

— Нет, не в шесть ведь. Семь мне было. Год уж стажу у меня нянечного было, когда меня в чужую-то деревню отдали. Да вот, управлялась. Бывало, сам и сама уйдут в поле засветло да в потемках и придут. А я с ребятами. Да еще что-нибудь приготовлю им поисть — самой-то не до разносолов в страду. Ну да это все ничего. Привычка. Не я одна, и другие в няньках жили. А вот как я штаны-то Феденьке сшила — ой! Такого ни у кого не было. И смех и горе.

Феденька, скажу вам, запущенный был ребенок. Родители работают — света белого не видят. Дом хороший, все хорошее, а Феденька без штанов бегаёт. Бывало, бедный, прибежит с улицы — весь задок выколет, на камешках да на деревьях сидючи. А тут как раз я в сарай пошла за чем-то да на подловку и залезла. Смотрю, а там грязные брюки лежат. Хозяина. Ну, я и смекнула: сошью-а я из этих брюк Феденьке штанки. Куда это годится — ребенок весь задок исколол.

Вот взяла я эти брюки, ходила на речку, выстирала, высушила, каталкой выкатала да давай шить. Сшила. С карманами, с помочами. У меня Феденька оделся — картинка. Хозяйева вернулись с поля и ребенка своего не узнали. Чей это у нас франт? А франт и есть. Я отмыла его, в божеский вид привела, причесала. Да еще штанки сшила. Нет, говорю, этот франт не чужой, а Феденька. А брючки, говорю, я сшила сама. Ой! Я думала, хозяин обрадуется, а хозяин-то у меня побелел. «Ты, говорит, из чего их сшила?» Это брючки-то. А я говорю: «Из

твоих. Из тех грязных, что на подложке лежали». Ой! «Что ты, говорит, ведь это мои выходные, праздничные брюки. Я, говорит, от женки их спрятал». Я тут так и присела.

А дело-то было так. Хозяину незадолго до моего прихода справили праздничные брюки. Хорошие, дорогие. Вот он и пошел в церковь. Все ладно было. В церкви побывал, богу помолился, нет ли, а объявился, показался на глаза попу — строгий батюшка был. Ну, а обратно мужик — известно: зашел в кабак, да выпил, да домой-то уж на четвереньках приполз. А жена у него строгая — как в таком виде показаться? Вот он и переоделся в сарае да новые-то грязные брюки и забросил на подложку, чтобы жене на глаза не попали. Да и забыл за работой-то. А мне они попадись на глаза...

— Строго взыскал хозяин?

— За брюки-то? Нет. Ничего, обошлось. Меня не притеснял. Поплакал только. Жалко брюк-то было. Новые, дорого заплатил. Да и жены боялся — строгая жена была... Вот так я жила в няньках-то. В школу на десятом году пошла, две зимы ходила, а у меня, по-настоящему взять, уж рабочий стаж был три-четыре года. А двенадцать-то лет мне стукнуло, я уж попа учила.

— Попа?

— Ой, порассказать — так ухочешься. Далеко, за пятнадцать верст, к попу отдали. Хозяйство большое, пять коров. Попадья больна: после родов в постели лежит. Дети. И сам поп такой неприспособленный — ничего не умеет. Коровы не доены, ревом режут — вымя от молока рвет. Сено не кошено, и исть нечего: всего в доме полно, а поп ничего не умеет.

— А что же он работниц не догадался нанять?

— Говорю: попишко непутевый был. Да и страда у людей. Работницы которые уже подрядились, которые нейдут — дома полно работы. А я с коровами сама не могу, я худющая — подойник не удержать. Вот я и говорю батюшке: «Батюшка, говорю, надо тебе самому доить». — «Да как, — говорит? — Я сроду не умею». — «А научу, говорю. Тут, говорю, хитрости нету, только бы сила была в руках». А коровы-то... Милые! Как баржи, стоят во дворе. Большие, высокие. Ну, батюшка вошел во двор — ошалели. На рога готовы поднять. Я и смекнула. «Батюшка, говорю, надень платок. Они к бабам привыкли, потому и кидаются на тебя». Батюшка сделал по-моему, подоил коров. Потом позвал работников: страда, косить надо. И опять у меня батюшка за голову: чем кормить? А дом у самого полон всякой всячины. Ну, я говорю: «Все будет хорошо, батюшка. Ты только делай, что я скажу».

Ну, наварила я каши, супу, ватрушку спекла, масла сбила. Да у меня работники едят — не нахвалятся: «Ну уж, ну уж, батюшка! Кто у тебя такая мастерица?» А батюшка и указывает на меня: «А вот моя, говорит, мастерица. Ей, говорит, всем обязан». Да я у батюшки приделала все дела и попадью на ноги поставила. И хлеб, кабы не я, начисто сгнил. Сырое лето было. Жито пьяное — из поля, как из бочки, несет. Батюшка у меня пригорюнился: «Оставаться мне в этом году без хлеба». — «Не тужи, говорю, батюшка, можно этому горю пособить. Надо, говорю, только мужику хорошую еду положить да денег не жалеть — тогда он сам прибежит». Вот когда еще бабка Олена насчет материальной заинтересованности понимала. В одиннадцать-двенадцать годов. А у нас после войны до чего мужика довели — из деревни побежал... А все-таки я у батюшки только одно лето прожила. Выгодное бы место и хорошо кормили, да крыс боялась.

— Крыс?

— Крыс. По всему дому бегали. Ну, летом-то я с лампой спала да на сеновале. А осень подошла, я и взревела. Что же, я ведь по-настоящему совсем ребенок была — двенадцать лет...

...

© Абрамов Ф.А., правообладатели

Источник публикации: Из рассказов Олены Даниловны // Новый мир. — 1970. — № 2. — С. 90—99